

Ведущий Владимир КОТЫХОВ

Тел.: 250-7272.

Москва, Комсомольская - 2003 - 3 июля - с. 14.

В десять лет Светлана приехала с мамой из родного Луцка в Киев поступать в хореографическое училище. А когда узнала, что надо будет жить в интернате, заявила:

«Даже если я поступлю, я там учиться не буду, не хочу быть балериной, это не для меня, я хочу жить дома». — «Да ты сначала поступи», — ответила мама.

Светлана поступила с первого раза; правда, не обошлось без казусов.

— На одном из туров нужно было показать заранее подготовленный танец. Но мы об этом не знали. И вот ночью перед экзаменом я вспомнила танец, который исполняла в танцевальном кружке в Луцке. Танец-то есть, а вот нот, кассет с записью музыки нет, — рассказывает Светлана Захарова (в недавнем прошлом звезда Мариинского театра, а с нынешнего сезона — прима Большого). — Прихожу утром на экзамен, встаю перед комиссией, мне говорят: «Давай танцуй!». Я в ответ: «У меня нет музыки». Меня спрашивают: «А какая у тебя музыка, может быть, сейчас наиграем?» Я назвала, концертмейстер стал играть, но не «мою» музыку. Я говорю: «Не та музыка». И я им напела свою мелодию, в итоге я довела комиссию до того, что они мне стали подпевать хором. Я танцевала, а они пели. Вот так я поступала и поступила. А мама стояла под окнами, там они довольно низкие, и все это слышала. Потом она мне говорит: «Когда комиссия запела твою музыку, я подумала: ну, это конец, моя дочь провалилась».

Вообще все происходило каким-то чудом. Мы думали, что экзамены — это всего лишь один день, а они длились несколько. Где жить? Негде, все гостиницы переполнены. Но нашлись добрые люди, которые помогли, взяли к себе домой, мы у них и жили.

— А как вы оказались в Петербургской академии балета им. Вагановой, тоже чудом?

— Наверное. В Петербурге проходил международный конкурс хореографических училищ, я в нем участвовала как представитель киевского училища, мне тогда было 15 лет, я заняла второе место. И мне предложили перевестись в вагановскую академию. Причем меня сразу взяли на третий, последний курс. И через год я выпускалась как студентка Академии русского балета.

— И сразу пригласили в Мариинский театр?

— Да. Правда, еще учась в академии, я входила в стажерскую труппу театра, выступая в балетных спектаклях, причем в довольно сложных партиях. Танцевала Повелительницу дриад в «Дон Кихоте». Конечно, я переживала, возьмут меня в театр или нет, потому что у меня даже гражданство было украинское. Но мне очень помогли в академии, а затем и в театре, где в восемнадцать лет я была уже солисткой, лишь год прослужив в кордебалете. Но практически я в кордебалете не танцевала, а исполняла корифейские партии.

— Сейчас у вас гражданство российское?

— Да.

— Говорят, Большой театр два года вел с вами переговоры, чтобы переманить из Мариинки.

— Это так, но с Мариинкой я не расталась окончательно. По условиям контракта с Большим я могу танцевать и с Мариинским театром, и заключать свои личные контракты с другими театрами на отдельные спектакли. Как, скажем, с Парижской оперой, где я выступала в «Лебедином озере», а в этом сезоне буду танцевать и «Жизель».

— Где вы живете в Москве, у вас собственная квартира?

— Мне снимает квартиру театр, где я живу со всей семьей. Мама, брат и пудель Дени. Они все вместе со мной приехали.

— Скажите, балерина — это всегда характер?

— Да, без характера балерины нет. И те из артисток, кто изображает из себя кроткую овечку, либо не балерины, либо просто это игра.

— Я предполагаю, что дружбы между балеринами быть не может?

— Нет, это невозможно. Только ни к чему не обязывающие «здравствуйте», «до свидания». И если тебя спрашивают: «Как дела?», то на самом деле твои дела никого не интересуют.

— А с мужчинами-партнерами можно дружить?

— У меня в основном все друзья мужчины. С ними я могу пообщаться. Это теплые отношения, которые ни к чему не обязывают.

— Кто ваш педагог в Большом театре?

— Людмила Ивановна Семеняка. Она тоже выпускница вагановской школы. Мне кажется, мы с ней очень близки по душевному состоянию. Я с ней встречалась еще в прошлом сезоне и попросила, чтобы, когда перейду в Большой театр, она была моим наставником.

— А педагог обязательно нужен?

— Для балетных артистов педагог — это все. Он должен говорить об ошибках, просчетах, даже если его ученица мировая звезда. Даже когда я приезжаю на гастроли и ко мне прикрепляют репетитора, я сразу предупреждаю: «Все, что вам не нра-

— Вы сами что-то можете приготовить?

— Вообще-то готовить я не умею и не люблю. За мной ухаживают мама и брат, вот они готовят очень вкусно.

— А светские вечеринки вы любите, покупать себе наряды для них?

— Мне больше нравится покупать одежду для жизни. И тут я приверженец функционального стиля. В одежде мне должно быть удобно, а так, чтобы поразить кого-то своим нарядом, — я этого не понимаю. Зачем? Что касается светских вечеринок, то тут всегда очень сложно: боишься надеть либо что-то слишком шикарное, либо слишком простое. Ломаешь голову: а как люди будут одеты и не будешь ли ты смешно выглядеть? Поэтому не очень люблю выбирать такие вещи.

— На одном из туров нужно было показать заранее подготовленный танец. Но мы об этом не знали. И вот ночью перед экзаменом я вспомнила танец, который исполняла в танцевальном кружке в Луцке. Танец-то есть, а вот нот, кассет с записью музыки нет, — рассказывает Светлана Захарова (в недавнем прошлом звезда Мариинского театра, а с нынешнего сезона — прима Большого). — Прихожу утром на экзамен, встаю перед комиссией, мне говорят: «Давай танцуй!». Я в ответ: «У меня нет музыки». Меня спрашивают: «А какая у тебя музыка, может быть, сейчас наиграем?» Я назвала, концертмейстер стал играть, но не «мою» музыку. Я говорю: «Не та музыка». И я им напела свою мелодию, в итоге я довела комиссию до того, что они мне стали подпевать хором. Я танцевала, а они пели. Вот так я поступала и поступила. А мама стояла под окнами, там они довольно низкие, и все это слышала. Потом она мне говорит: «Когда комиссия запела твою музыку, я подумала: ну, это конец, моя дочь провалилась».

Вообще все происходило каким-то чудом. Мы думали, что экзамены — это всего лишь один день, а они длились несколько. Где жить? Негде, все гостиницы переполнены. Но нашлись добрые люди, которые помогли, взяли к себе домой, мы у них и жили.

— А как вы оказались в Петербургской академии балета им. Вагановой, тоже чудом?

— Наверное. В Петербурге проходил международный конкурс хореографических училищ, я в нем участвовала как представитель киевского училища, мне тогда было 15 лет, я заняла второе место. И мне предложили перевестись в вагановскую академию. Причем меня сразу взяли на третий, последний курс. И через год я выпускалась как студентка Академии русского балета.

— И сразу пригласили в Мариинский театр?

— Да. Правда, еще учась в академии, я входила в стажерскую труппу театра, выступая в балетных спектаклях, причем в довольно сложных партиях. Танцевала Повелительницу дриад в «Дон Кихоте». Конечно, я переживала, возьмут меня в театр или нет, потому что у меня даже гражданство было украинское. Но мне очень помогли в академии, а затем и в театре, где в восемнадцать лет я была уже солисткой, лишь год прослужив в кордебалете. Но практически я в кордебалете не танцевала, а исполняла корифейские партии.

— Сейчас у вас гражданство российское?

— Да.

— Говорят, Большой театр два года вел с вами переговоры, чтобы переманить из Мариинки.

— Это так, но с Мариинкой я не расталась окончательно. По условиям контракта с Большим я могу танцевать и с Мариинским театром, и заключать свои личные контракты с другими театрами на отдельные спектакли. Как, скажем, с Парижской оперой, где я выступала в «Лебедином озере», а в этом сезоне буду танцевать и «Жизель».

— Где вы живете в Москве, у вас собственная квартира?

— Мне снимает квартиру театр, где я живу со всей семьей. Мама, брат и пудель Дени. Они все вместе со мной приехали.

— Скажите, балерина — это всегда характер?

— Да, без характера балерины нет. И те из артисток, кто изображает из себя кроткую овечку, либо не балерины, либо просто это игра.

— Я предполагаю, что дружбы между балеринами быть не может?

— Нет, это невозможно. Только ни к чему не обязывающие «здравствуйте», «до свидания». И если тебя спрашивают: «Как дела?», то на самом деле твои дела никого не интересуют.

— А с мужчинами-партнерами можно дружить?

— У меня в основном все друзья мужчины. С ними я могу пообщаться. Это теплые отношения, которые ни к чему не обязывают.

— Кто ваш педагог в Большом театре?

— Людмила Ивановна Семеняка. Она тоже выпускница вагановской школы. Мне кажется, мы с ней очень близки по душевному состоянию. Я с ней встречалась еще в прошлом сезоне и попросила, чтобы, когда перейду в Большой театр, она была моим наставником.

— А педагог обязательно нужен?

— Для балетных артистов педагог — это все. Он должен говорить об ошибках, просчетах, даже если его ученица мировая звезда. Даже когда я приезжаю на гастроли и ко мне прикрепляют репетитора, я сразу предупреждаю: «Все, что вам не нра-

— Вы сами что-то можете приготовить?

— Вообще-то готовить я не умею и не люблю. За мной ухаживают мама и брат, вот они готовят очень вкусно.

— А светские вечеринки вы любите, покупать себе наряды для них?

— Мне больше нравится покупать одежду для жизни. И тут я приверженец функционального стиля. В одежде мне должно быть удобно, а так, чтобы поразить кого-то своим нарядом, — я этого не понимаю. Зачем? Что касается светских вечеринок, то тут всегда очень сложно: боишься надеть либо что-то слишком шикарное, либо слишком простое. Ломаешь голову: а как люди будут одеты и не будешь ли ты смешно выглядеть? Поэтому не очень люблю выбирать такие вещи.

Светлана Захарова:

«Балерина без характера —

не балерина»

вится, говорите мне». Другое дело — соглашусь с этим или нет, но о быззательно задумаюсь. Потому что подниматься легче, чем удержаться наверху.

— Зрители всегда с нетерпением ждут, когда балерина начнет крутить 32 фуэте, и очень любят этот эффектный трюк.

— Трюк? Я не отношусь к этому элементу как к трюку. Для меня 32 фуэте —

это часть спектакля, его кульминация. И в каждом спектакле я исполняю 32 фуэте по-разному. В «Лебедином озере» — это победа Одилии над Одеттой, а в самом вращении есть что-то дьявольское. В «Дон Кихоте» фуэте торжественное, а в «Корсаре» оно немного легкомысленное, веселое. Вообще когда выходишь на фуэте, то поднимается адреналин. Силы уже на исходе, но нужно выполнить вращение в хорошем темпе и при этом легко, красиво.

— Сколько туфель вам нужно на спектакль?

— Все зависит от спектакля, раньше на «Лебедином озере» у меня уходило четыре пары. Но сейчас обхожусь двумя парами. На «Дон Кихот», «Спящую красавицу» мне нужны три пары. Тут еще много зависит от климата. Там, где влажный климат, туфли быстрее ломаются, и приходится их чаще менять. А еще у каждой балерины есть особенное строение стопы. Я, например, не могу танцевать в мягких туфлях.

— В занавесе Большого театра есть дырочка, и некоторые артисты перед началом спектакля в нее заглядывают, чтобы увидеть зрительный зал.

— Я никогда не смотрю, я даже близко к ней не подхожу. Мне лучше никого не видеть.

— А во время спектакля зрительный зал вы видите?

— Нет, он темный, а софиты очень яркие, иногда бьющие и со стороны зрительного зала. Порой вокруг себя ничего не видишь. Особенно за границей, у них очень сильный свет. Только на поклонах могу разглядеть зрителей, и то первые ряды.

— У вас есть личный агент или импресарио?

— До недавнего момента не было никого, и все предложения приходили либо ко мне, либо шли через дирекцию.

Но недавно я договорилась с одним человеком, он не из России, который помогает организовать мой быт, когда я выезжаю на гастроли или танцую по контракту в других театрах. Но его деятельность касается только быта.

— Вы человек дисциплинированный?

— Да.

— А опоздать можете?

— Могу. (Смеется.) Но всегда очень переживаю. Я могу на несколько минут опоздать на свою репетицию, но это только потому, что я перед ней разогреваюсь в раздевалке. Ведь в зале может идти чья-то репетиция, и неудобно туда зайти. Вот я и разогреваюсь в гримборной, а пока дойду наверх, могу немножко опоздать.

— Это, правда, что у балерин строжайшая диета?

— Балерина много работает и затрачивает столько энергии, что может позволить себе есть все, что хочется...

...только не в больших количествах. Нагрузки у нас огромные, поэтому если не будешь есть, то и на сцену не выйдешь.

— Вы сами что-то можете приготовить?

— Вообще-то готовить я не умею и не люблю. За мной ухаживают мама и брат, вот они готовят очень вкусно.

— А светские вечеринки вы любите, покупать себе наряды для них?

— Мне больше нравится покупать одежду для жизни. И тут я приверженец функционального стиля. В одежде мне должно быть удобно, а так, чтобы поразить кого-то своим нарядом, — я этого не понимаю. Зачем? Что касается светских вечеринок, то тут всегда очень сложно: боишься надеть либо что-то слишком шикарное, либо слишком простое. Ломаешь голову: а как люди будут одеты и не будешь ли ты смешно выглядеть? Поэтому не очень люблю выбирать такие вещи.

НОВАЯ

ПРИМА

БОЛЬШОГО